

Разговоры: **Международный нотный**

Милица – живое воплощение Вавилонской башни. Кроме родного сербского она прекрасно говорит на английском (язык для всех страждущих общения), русском (учила в школе и нынешнее место жительства обязывает), французском (родной язык мужа) и – самое главное – нотном. О последнем поподробнее. Милица Пап – пианистка и скрипачка с мировой известностью, с некоторых пор в качестве жены декабриста (муж работает здесь вице-консулом и иногда, видела своими глазами, пишет себе тезисы для речи на нотной бумаге Милицы) живет в Екатеринбурге и осваивает здешнее классическое музыкальное пространство.

- Я знаю о вас только по вашему веб-сайту, но этого вполне хватило, чтобы понять, что у вас интересная биография. Вы были в очень многих странах и городах, почему и как вы оказались в Екатеринбурге?

- Ну, я приехала сюда к своему мужу. Но если бы мне выпал подходящий шанс, я бы обязательно приехала в Россию еще раньше. Потому что для любого пианиста оказаться в России – мечта. Но в Югославии была война, и выбраться не было никакой возможности. Некоторые мои друзья и коллеги получали стипендию в Москве и выезжали, и я об этом могла только мечтать. В конце концов моя мечта исполнилась, и я здесь.

- Насколько я знаю, вы будете играть в нашей филармонии.

- Да, это так. Мы уже расписали концерты, я буду выступать с молодежным оркестром в апреле 2012 года. Это будет наша первая совместная работа с филармонией, мы дадим два концерта в Екатеринбурге.

- Пианисты, как правило, исключительно солируют, а не работают «внутри» оркестра...

- Это все зависит от уровня подготовки и мастерства. Я очень много училась и практиковалась, и я достигла достаточных высот в исполнении камерной музыки, и это дает мне большую свободу в том, как и с кем выступать. С другой стороны, я предпочитаю играть на скрипке, потому что мой отец был скрипачом, для меня это инструмент номер один. Я даю сольные концерты, играю с оркестром, могу играть в четыре руки, вдвоем за одним инструментом – все что угодно, поскольку у меня есть для этого подготовка. Я открыта к любому сотрудничеству с другими музыкантами. Пианисты действительно солисты по своей натуре, но мы любим играть с друзьями, в ансамблях, тем более что формат камерного оркестра – не более пяти человек – очень к этому располагает. К тому же мы можем играть не только классическую, но и современную музыку. Писать аранжировки, сочинять мелодии, импровизировать – все, что угодно и где угодно: в Екатеринбурге, во Франции, в Сербии. Это моя работа, моя жизнь, мое искусство. Музыка – универсальный язык, и я благодарна богу, что выбрала эту профессию. Точнее, это профессия меня выбрала еще до того, как я родилась – из-за моей мамы, моей семьи, в которой очень много профессиональных музыкантов и поклонников классической музыки.

- Вы будете выступать только в зале филармонии в Екатеринбурге? Вам известны другие площадки в городе?

- Я буду играть в консерватории Мусоргского в следующем году. Это будет год Скрябина. Я очень люблю русских композиторов, у моего руководителя даже есть книга по путешествиям в России и ее музыку, и я восхищаюсь Рахманиновым, Скрябиным, Мусоргским, Чайковским, разумеется, Шостаковичем, Прокофьевым. В консерватории я буду играть как раз Скрябина, меня пригласил господин Шкарупа. Кроме этого я буду выступать, как уже сказала, в филармонии и, возможно, будут прослушивания в других камерных залах. Я знаю, что в театре «Щелкунчик» хороший зал с инструментом, но, вообще, я не прикреплена к определенной площадке – у меня будет примерно пять залов, в которых я буду играть. Но в филармонии, насколько я знаю, самая лучшая акустика. Еще я играла в отеле «Хайатт».

- А вам лично какой зал больше нравится?

- Зал в филармонии очень хорош для оркестров, а зал в консерватории – для сольного выступления пианино. Это все вопросы акустики, формата и количества зрителей. Но я знаю, что хороших инструментов в Екатеринбурге три: пианино в филармонии, в консерватории, а самое лучшее стоит у меня дома (*смеется*). Я скромностью не отличаюсь, должна вам сказать, и я счастлива – потому что впервые в жизни у меня есть настоящий рояль. Я так долго ждала этого момента! И это роскошный подарок для меня, я буквально не могу от него оторваться – сегодня утром, например, я провела за ним три часа. И все музыканты, которые приходят ко мне в гости, смотря на него и попросту говорят «Вау!». Это не Steinway, который стоит бешеных денег, это японский рояль Kawai, не самый лучший из возможных, но вполне хороший и большой.

- Одна моя знакомая работает в музыкальной школе педагогом, она пианистка, но учит детей вокалу. У нее дома стояло пианино, но оно было настолько старым и расстроенным, что пришлось убрать его из квартиры. И у нее едва не случился сердечный приступ, когда пришли рабочие и стали вытаскивать инструмент из дома.

- Да, проблема с пианино в том, что оно делается из дерева, и, когда дерево не очень качественное, инструмент довольно быстро стареет. Расставаться с ним всегда тяжело – пианист привыкает к своему инструменту, знает все его тонкости. Как у танцоров есть свои «вечные» тапочки, так и у пианистов должны быть вещи, которые им близки, к которым они привыкли, в которых они черпают поддержку.

- Вы не собираетесь заниматься преподаванием здесь?

- Не знаю пока, я была педагогом во Франции и в Югославии. Я могу учить, конечно. Но в России очень много своих хороших профессоров, у нас одинаковые техники, одинаковая база. Я хорошо знакома с основами русской школы пианистов, потому, что многие выдающиеся профессора из Москвы, например, Сергей Доренский, приезжали до, во время и после войны в Белград, и у меня была возможность слушать их с шести лет. А насчет того, чтобы учить кого-либо... Ну точно не в том смысле чтобы преподавать в университете. Если кто-то попросит меня быть кем-то вроде ментора, наставника – то почему бы и не попробовать? Я могу, конечно, и обучать основам, и работать на более продвинутом уровне, вопрос только в том, что именно мне интересно. Я могла бы готовить кого-либо к конкурсам, ну разве что не к сложнейшему конкурсу Чайковского. Все равно пианистам приходится давать уроки, заниматься преподаванием, потому что концертами заработать себе на жизнь невозможно. Но если признаться честно, я не очень это люблю – я предпочитаю работать в одиночестве, когда близости никого нет. Ну, или хотя бы обмениваться опытом с другими музыкантами моего уровня, но их не так много.

- В нашей филармонии много отличных дирижеров, вы знакомы только с Энхе?

- Я в Екатеринбурге с сентября 2010 года, и за это время здесь побывало множество первоклассных дирижеров и пианистов. Я знакома и с господином Энхе и господином Лиссом. Главный дирижер молодежного оркестра, маэстро Энхе, прослушал меня и предоставил мне шанс играть с ним. Ну а однажды я очень надеюсь выступить с Уральским академическим филармоническим оркестром под управлением Дмитрия Лисса.

- В Екатеринбург время от времени приезжает Валерий Гергиев. Что вы о нем думаете?

- Кажется, в 2003 году я видела его в Марининском театре, в канун Нового года, был большой концерт, который транслировали по телевидению. И примерно с этого момента он стал у всех на слуху. Первое, что я у него видела, – это то, как он дирижирует оперой. Но я никогда не слышала, как он дирижирует выступлением с фортепиано – и для меня его концерт в Екатеринбурге очень интересен. Вообще, очень многие пианисты становятся дирижерами – вспомнить хотя бы Владимира Ашкенази или Михаила Плетнева. Я не скажу, что я верю больше тем дирижерам, которые «выросли» из пианистов, но они однозначно понимают пианистов лучше, чем остальные. Это не одно и то же. Но в любом случае, Гергиев – великий дирижер. Он просто волшебник.

Одна из последних разговоров обсерватории в том, в чем личной жизни Екатеринбург – это гастроли

Одна из последних самых обсуждаемых тем в культурной жизни Екатеринбурга – это гастроли филармонического оркестра в Японии. Долгое время было неясно, состоятся они или нет, потому что некоторые оркестранты отказались от поездки. Но вот только что они вернулись с гастролей...

- Да, я в курсе этой ситуации, у меня есть хороший друг, связанный с Колотурским. Мне понятны эмоции людей, которые не поехали: они действительно боялись рисковать жизнью. Но я была в похожей ситуации, когда в Югославии шла война, и артисты все равно приезжали с концертами, даже под дулами снайперов. Если бы мне сегодня предложили выступить в Японии, я бы дала согласие. Почему? Потому что в этом суть гуманности. Я слежу за тем, что происходит в Японии, и это, конечно, ужасная катастрофа. Но если можно оказать поддержку, проявить человечность, то это нужно делать.

- Расскажите, как вы жили в Югославии в период военных действий. Я знаю, что вам пришлось существовать в условиях информационной изоляции...

- Ну, во-первых, не было паспорта, возможности выехать. Мне удалось выбраться в Будапешт только благодаря моим друзьям из Академии Ференца Листа. Больше никто ничего не смог сделать – ни друзья с влиятельным бизнесом, никто. Полная изоляция. Не было никакой импортной еды, вроде шоколада или кока-колы, исключительно собственные продукты, произведенные внутри страны. За все время приезжали играть всего двое-трое иностранцев. Не было Интернета – никто не имел понятия, что происходит в остальном мире. Да, мы продолжали устраивать конкурсы пианистов, между собой. Потому что в стране по-прежнему было много музыкальных школ, четыре университета. Иногда приезжали великие люди, один из них был Мишель Далберто – и все очень удивились, как и зачем он приехал. Затем подтянулись и другие, среди которых два ученика Сергея Доренского, Николай Луганский и Александр Шарган. Был 1994 год, война. И эти люди каким-то образом приехали и поддержали нас, хотя режим был очень строгий, никого не пускали в страну и никого не выпускали.

- Вы знаете, у меня был знакомый художник, он не так давно умер, русский немец, который всю свою жизнь прожил в деревне под Екатеринбургом. Он никому не выезжал, потому что ему это было запрещено в советские годы, у него не было документов, но при этом он был потрясающим графиком, у него были великие работы.

- Наверное, благодаря силе воображения. Прокофьев уезжал за границу, Рахманинов уехал в Америку, Шостакович остался в СССР. Многие ссылали в Сибирь. Русские люди не понаслышке знакомы с ситуацией изоляции. И я не знаю, что страшнее: бомбардировки или полное отсутствие информации и связи с остальным миром. Но я надеюсь, это время прошло, мы живем в другом веке. Интернет провели в бывшую Югославию в 2000-м, у меня он появился именно в этот год, как и мобильный телефон. И это здорово, что сейчас есть возможность этим пользоваться, быть на связи, развивать с помощью технологий искусство.

- Если говорить о классической музыке, каковы ваши собственные предпочтения? Что вы любите слушать, а что – играть?

- Скриабина. Особенно люблю его ранние работы. Его фортепианные работы сравнивают с Шопеном, но я бы сравнила его с Дебюсси или Равелем. Очень странная и сложная музыка, меланхоличная, порой депрессивная. Рахманинов хорош, но для меня не идет ни в какое сравнение со Скриабиним. Прокофьев интересен, Шостакович тоже. Словом, я предпочитаю русских композиторов, русскую музыку. Если я слушаю целый день Скриабина, сонаты 8 или 9, они вводят меня в какое-то удивительное состояние ума. Очень люблю Стравинского из-за его агрессивности, напора.

- А что вы думаете по поводу модных нынче «коктейлей» классической музыки и рока, по па и так далее?

- Стинг добавил в свою музыку Прокофьева, и это было довольно интересно. Но иногда такой микс может звучать дешево и скучно, особенно если сделано не очень тщательно. Интересно звучит слэп этно, классической музыки и джаза – я слышала турецких музыкантов, которые это неплохо делают. Сама я импровизировать не умею.

- Можете рассказать о своих любимых учениках?

- О, это было очень давно. Мне всегда было интересно работать с дирижерами, поскольку им нужно очень много всего знать и неплохо играть на фортепиано. Я объясняла юным дирижерам, что нужно видеть в фортепиано больше, чем инструмент, это целый оркестр, если к нему прислушиваться.

- Расскажите о своем типичном дне здесь, в Екатеринбурге.

- Я играю на фортепиано утром или вечером, обычно два-три раза в день. Вечером мне нравится ходить на концерты – послушать «Евгения Онегина» или «Пиковую даму» вживую. Днем люблю погулять – разве что не зимой, когда можно легко поскользнуться и сломать руку, что для пианиста не очень приятно.

- Мы с вами одного возраста. В России у каждого поколения есть свои какие-то общие детали, воспоминания о детстве. Что помните вы?

- Конечно, Тито. Я была пионером в школе, в школе мы все одевались одинаково. У нас не было кока-колы, но мы все хотели джинсы, которые не могли купить и носить, поскольку в школе все должны быть одинаковыми. Мы изучали марксизм – так что у нас все было очень похоже на вас. Не было телевизора с «Томом и Джерри».

- А вы что-нибудь коллекционировали?

- Да, как это будет по-русски... салфетки.

- Правда? У меня была огромная коллекция календариков. А у вас были анкеты с вопросами, которые вы заполняли всем классом?

- Да, что-то такое помню. У нас были дневники. Давно это было! Не очень давно, если подумать, но все очень сильно изменилось.

12 мая

Автор: Юлия Недосекова